

Эпоха взросления Петра. Поездка в Архангельск

Словом, в августе 1689 года неожиданно для себя Петр, которому недавно исполнилось 17 лет, одержал бескровную победу. При болезненном и слабоумном брате-соправителе Иване он отныне стал полноправным самодержцем. Но лю бопытно, что Петр не изменился в главном. Он не стал заниматься государственными делами, а перепоручил их правительству своего дяди боярина Льва Нарышкина. По-прежнему на первом месте для царя были воинские учения, стрельбы, плавание на «потешных» кораблях по Переславскому озеру. И так продолжалось несколько лет. Идеи реформ, которые потом потрясли Россию, пришли к нему не сразу. Они созревали постепенно, и, чтобы осознать их, Петру предстояло получить несколько уроков жизни.

Первым уроком можно назвать две поездки молодого царя в Архангельск – в 1693 и 1694 годах. Архангельск был фактически единственным морскими воротами России, через которые она осуществляла прямую связь с миром. Здесь был большой порт, куда за короткое северное лето приходили сотни иностранных кораблей. Они привозили западные товары и потом загружались лесом, пенькой, кожами, салом, мехами. Город был большой и оживленный, а Немецкая слобода Архангельска была даже больше, чем в Москве. Приехав в Город (так называли тогда Архангельск) в 1693 году, Петр в первый раз в жизни увидел настоящее море, настоящие корабли. И это было потрясением. Как писал историк М. М. Богословский, с той архангельской поры «шум морских волн, морской воздух, морская стихия тянут его к себе и с годами сделаются для него необходимой потребностью. У него разовьется органическое стремление к морю».

Заметки на полях

В жизни Петра Великого море и корабли заняли особое место. Как видно из записей снов (в том числе цветных), которые царь делал в зрелые годы, корабли, море не отпускали Петра, снились ему по ночам. Увлечение морем – не случайность, не просто присущий юноше романтизм. Было какое-то гармоническое соответствие внутреннего мира Петра и образа движущегося корабля. Недаром А. С. Пушкин нашел гениальный образ, символ петровской России – идущий под свежим ветром парусный корабль с великим капитаном-шкипером на мостике:

*Сей шкипер был тот шкипер славный,
Кем наша двинулась земля,
Кто придал мощно бег державный
Рулю родного корабля.*

Почему петровская Россия – корабль? Могучий, красивый корабль XVIII века, идущий под парусами против ветра и огромных волн, был высшим произведением технической мысли того времени. Для Петра и многих других людей тех времен он был символом всего, что построено с точным расчетом и знанием для достижения успеха в борьбе человека со слепой и опасной стихией, которую так хорошо выражает беспокойное, бескрайнее море. За этим стояла главная философская идея XVII – начала XVIII веков. Ее можно было прочитать в книгах философов – Локка, Лейбница, Гоббса и других. Суть этой идеи такова: знание, полученное с помощью опыта, исследований, – вот самое верное средство достижения человеческого счастья и благополучия. Людям нужно на основе открытых законов природы хорошо организовать свою жизнь, и все будет в порядке. Особую роль в достижении всеобщего счастья играло государство. Построить государство на началах разума, знаний, и сделать его средством для достижения всеобщего счастья – вот высшая цель каждого реформатора.

Гоббс, обосновывая право и возможность разумного человека совершенствовать организацию общества ради высших целей, писал: «Государство строят, как дом». Петр Великий мог бы сказать иначе: «Государство строят, как корабль». В самом деле, борьба за выход к морю, строительство флота, реформирование государства, преобразование России ради ее счастливого будущего – все это так естественно совпало, соединилось в деятельности Петра. Все это отлилось в яркий образ корабля – новой России, которую спустил на воду и повел среди бурных волн жизни великий корабель и шкипер. Вот поэтому море в Архангельске так сильно сказалось на судьбе Петра.

Как человек деятельный и живой, Петр не ограничился рассматриванием моря и кораблей с берега. На яхте «Святой Петр»

он вышел в море, чтобы проводить уходившие из Архангельска иностранные торговые корабли. Во второй приезд в Архангельск летом 1694 года Петр отправился на яхте на Соловецкие острова и в открытом море попал в страшный шторм. Опасность была так велика, волны так круты, что царь и его спутники причастились как перед смертью. Только искусство лоцмана Антипа Тимофеева спасло русского царя, который впервые в русской истории – после времен варяга князя Игоря – пустился по морю. С тех пор в память об этом историческом событии на острове стоит большой деревянный крест с памятной надписью.

Когда же в Архангельск из Голландии пришел заказанный 44-пушечный фрегат «Святое пророчество», счастьем Петра не было предела. Он тотчас испытал себя и новый корабль, выйдя на нем в Северный Ледовитый океан. Морская судьба Петра была решена – без моря он уже не мог жить! Этим была решена и судьба России, которой предстояло стать морской державой.

Легенды и слухи

Первый русский полет

Изображение мужика, летящего на самодельных крыльях, стало общим местом в истории советского воздухоплавания и авиации. Что было на самом деле, был ли такой полет, мало кто знает. Точно можем сказать, что полета не было, но дерзкое намерение такое действительно зародилось в сознании неведомого нам народного умельца из москвичей. В «Записках» стольника И. А. Желябужского идет речь о происшествии 30 апреля 1695 года: «Закричал мужик „Караул!“ и сказал за собою государево слово (так обычно привлекали к себе внимание доносчики и просители, в этом случае власти не могли замять дело. – Е. А.). И приведен в Стрелецкий приказ, и опрошаван. А в роспросе сказал, что он, сделав крылья, станет летать, как журавль. И по указу великих государей сделал себе крыле слюдные, а стали те крылья в 18 рублей из государевой казны. И боярин князь Иван Борисович Троекуров (судья Стрелецкого приказа. – Е. А.) с товарищи и с иными прочими вышед, стал смотреть. И тот мужик те крылья устроя, по своей обыкlosti перекрестился и стал мехи надымать. И хотел лететь, да не поднялся, и сказал, что он крыле сделал тяжелы. И боярин на него кручинился (т. е. укорял, сердился. – Е. А.), и тот мужик бил челом, чтоб ему сделать другие крыле иршенья (кожаные. – Е. А.). И на тех не полетел, а другие крыле стали в 5 рублей. И за ему учинено наказание: бит батоги, снем рубашку, и те деньги велено доправить на нем и продать животы (имущество. – Е. А.) ево и остатки».